

И вот теперь он стоял, видел ритуал и слышал мелодию, едва ли в силах дышать от огромного, накатившего и накрывшего его целиком чувства. Словно всё, что было сложно, непонятно и тяжело объяснимо, стало вдруг простым и правильным. И то, что эти двое были вместе в круге сейчас, тоже казалось прозрачным и простым, необходимым — хотя от этого осознания болело что-то под тканью рубахи, посередине груди... Стив не дождался, что же он, Баки, решит. Он выбрал спутницу сам. Больно, так больно. Но при этом непоправимо-правильно.

От песни на два голоса начали гудеть камни круга, гудела сама земля холма и луг перед ним, дрожал под ладонью ствол дерева. Ощущение понимания мира, рухнувшее на Баки, было так сильно и так велико, что он понял, что падает, только когда перед глазами мелькнули стебли разнотравья. А потом стало темно и спокойно.

Его лицо шершаво вылизывали два языка. Баки ещё не открыв глаза, отмахнулся от них — и сел, держась за голову. Кажется, внутри его головы теперь гудело не хуже, но зато наваждение прошло. Больше ему не казалось, словно он постиг какие-то ведомые только друидам тайны. Он только морщился и надеялся, что скоро это всё закончится. И тогда он сможет забрать друида домой.

Из-за травы и кустарника, сидя на заду, ничего не было видно. Волчата, прижав уши, крутились рядом, но вылизывать больше не пытались. Баки нахмурился и, кряхтя, неловко поднялся. Кажется, он пролежал в темноте дольше, чем думал: начинало смеркаться. Но действие у камней на холме Керриг-Уну-Гойдвиг до сих пор продолжалось.

Баки увидел, как Стив добывает первый огонь, растирая изо всех сил длинной палкой сухой мох в глиняной пиале. Когда потянулся дымок, и занялся мох, а с ним и мелкие веточки, Стив поднял пиалу на дрожащих руках — и передал её Алой Ведьме. Она же, не раздумывая, перевернула её над первым сложенным между камнями валежником. Сердце Баки так задёргалось в груди, что он с силой прижал ладонь поверх выреза рубахи. Первый костёр Бельтэйна был зажжён. Стив вытащил из него занявшуюся ветку и принялся поджигать второй. Алая стала делать то же, но двигаясь в обратном направлении, словно они играли в детскую игру, кто быстрее. Стив оказался расторопнее — и почему-то Баки выдохнул с облегчением, поняв, что ведьма подожгла на порядок меньше костров — а может, она и не пыталась торопиться?

Скоро Баки уже не думал об этом. Не думал вообще ни о чём. Потому что его друид оказался очень близко к Алой Ведьме, протянул к ней руки, а она взяла его ладони в свои. А после этого отпустила и... ослабила тесёмки выреза так, что лохмотья рубахи скатились с её плеч, оставляя Ванду совершенно обнажённой перед Стивом.

Баки судорожно вдохнул и забыл, как выдыхать. Корни словно оплели его ноги за лодыжки, притянув к земле, и даже если бы он страстно желал — не смог бы сделать сейчас ни шагу. Стив стоял так близко к обнажённой, хрупкой девушке, и смотрел во все глаза. А потом понурил голову, и плечи его судорожно дёрнулись. Ванда потянулась к нему, привставая на пальцы, и Баки рванулся было навстречу всем телом — лишь бы перехватить поцелуй, но никакого поцелуя не было. Ванда только прижалась лбом ко лбу Стива, возможно, то-то говоря — Баки уже не различал таких мелочей, между камнями бушевали костры Бельтэйна. Стив после этого упал перед ведьмой на колени и, подхватив упавшие лохмотья, поднял их, помогая

одеться. Ванда больше не обращала на него внимание — она выхватила из двух ближайших костров горящие ветки и вышла из круга, оставляя Стива внутри, коленопреклонённого, согнутого, словно на его плечах лежала вся тяжесть этого несправедливого мира.

Эта картина вызвала прилив ярости внутри. Баки сглотнул и зарычал. Как он... как она вообще посмела оставить его там одного? Как она могла уйти? Баки сжал копьё в кулаке и, весь напряжённый и злой, кое-как поднял ногу — словно та завязла в болоте. Второй шаг дался проще, и, рыкнув, Баки побежал — он собирался перехватить ведьму до громадных куч-костров на лугу, что она хотела зажечь.

— Стой! — крикнул он, понимая вдруг, что трава под ногами Алой Ведьмы жухнет и желтеет, а у него сердце бьётся так заполошно, что того и гляди, оборвётся, и он совершенно один перед ней — волчата и не подумали идти следом, а копьё в его руке такое смешное и ненадёжное, и словно может рассыпаться пеплом от одного её взгляда. Но она, как ни странно, остановилась — и была удивлена, увидев его.

— Ты тут, однорукий воин, — прошелестела она, и глаза её, кажется, переливались алыми всполохами от горящих в её руках ветвей. — Боюсь, костры Бельтэйна не вернут тебе руку.

— Мне не нужна рука! — зло крикнул Баки, чувствуя, что хочет развернуться и бежать, страшно стыдясь своей слабости — он не мог метнуть копьё в ведьму. Его единственная рука повисла плетью, и копьё вывалилось из пальцев, утонув в мягкой луговой траве. — Ответь мне, ведьма, почему ты оставила его там одного? Разве ритуал не должен продолжиться?

Лицо Алой Ведьмы от его слов перекосило в жёсткой улыбке.

— Ты хотел посмотреть, как мы соединимся в круге камней? — спросила она, и каждое слово жёсткой пощёчиной оставалось на горящих от стыда щеках Баки. — Я предложила. Стив силён, он бы выдержал.

— Тогда почему? — Баки был весь, как натянутая тетива, всё внутри него дрожало, а из глаз кажется, текли слёзы, мешая смотреть.

— Потому что друид Жизни может соединиться в круге Бельтэйна лишь с тем, кого он выбрал, — уничтожительно припечатала ведьма и потеряла к Баки всякий интерес. Ветки в её ладонях почти догорели, и Баки думал, что жар должен нещадно опалить кожу — но она несла их так, словно огня не было вовсе. — Если ты не решишься сейчас, потеряешь его навсегда, — последнее, что услышал Баки от Ванды, сказанное тихо, словно с неохотой.